

Примерно с месяц назад мама записалась на танцы. Я узнал об этом совершенно случайно. Позвонила ее знакомая и, когда я ответил, что мамы нет дома, сказала «А, она, наверное, на танцах!». Позже, на мой вопрос мама, немного смущившись, объяснила это тем, что когда-то занималась и хочет продолжить для поддержания формы и фигуры. Я почти сразу про это забыл, но где-то через месяц я оказался в районе Дома Культуры железнодорожников. Я вспомнил, что вроде бы именно сюда мама ходит на танцы и именно сейчас у нее должны быть занятия.

Зайдя внутрь, я оглянулся, думая, где искать танцевальный зал. Спрашивать не пришлось. Именно в эту минуту одна из дверей открылась и оттуда стали выходить девушки и женщины постарше. Видимо занятие закончилось и они направлялись в раздевалку. Девушки помоложе были в юбках, женщины постарше в спортивных трико. Я остановился, чтобы подождать, а заодно поглязеть на ножки девушек. Мама вышла одной из последних. Я не сразу узнал ее, потому что ожидал увидеть ее в чем-то более строгом. А она была в короткой юбочке, наверное, самой короткой из всей группы. Мне даже стало стыдно за нее, настолько нескромно смотрелись ее пышные бедра. Подходить к ней сейчас я застеснялся и решил при случае дома осторожно затронуть эту тему. И тут я услышал обрывки разговора двух женщин-дежурных, недалеко от столика которых я стоял:

— Вот! Вот эта! Про эту женщину я тебе рассказывала!

Я прислушался, но они перешли на шепот. До меня долетели лишь обрывки фраз, заставившие меня заинтересоваться.

— ... по лестнице... парни... юбку...

— Что, сама? Специально? Она же взрослая женщина!

— Да, и на прошлой неделе тоже...

Дальше я уже ничего не слышал, но и этого хватило, чтобы напрячься. Я решил не ждать маму, а направился домой. «Что же это может быть? Парни, юбка, лестница... Неужели это как-то связано с тем, что она в такой юбке? Может быть, кто-то подглядывал ей под юбку: когда она шла по лестнице? Это неудивительно, в такой-то...» — я представил, как кто-то подглядывает маме под юбку, но сразу

же застеснялся и постарался отогнать эту картину. «Но почему об этом надо было шептаться? Надо было задержаться, может быть удалось что-нибудь выяснить» — я уже жалел, что ушел и решил, что надо будет подойти послезавтра, на следующее занятие, разобраться. Очень уж меня взволновало услышанное.

Весь следующий день я присматривался к маме. Вечером, услышав, что она звонит по телефону, я подошел к закрытой двери и прислушался. Мама разговаривала с институтской подругой.

— Представляешь, я таки записалась на танцы... Я даже не ожидала, столькочувственных ощущений... Я тебе расскажу при встрече... Ну а что мешает?... Алла, перестань комплексовать насчет своей фигуры...

Меня опять напрягли слова насчет чувственных ощущений. Мне не хотелось связывать их с маминой юбочкой, со словами вахтерши... Но и оставить это без внимания я уже не мог. Заговаривать с ней на эту тему было нельзя и я с нетерпением ждал завтрашнего занятия.

Я вышел почти сразу вслед за мамой. Она была с довольно большой сумкой, но я был почти уверен, что раньше она ходила на танцы с другой. Я сел в следующий за ней троллейбус и доехал до ДК, когда занятия как раз начинались. Чтобы не ждать целый час в неизвестности, я решил пробовать заглянуть в окно танцзала.

Я обошел здание кругом и, к моему удивлению обнаружил, что я не один в своем желании. Возле окон уже стояли три пацана и возбужденно пялились через щели в неплотно прикрытых занавесках на танцующих. От мысли, что они разглядывают и мою маму, мне стало не по себе. Я заметил только, что среди танцующих у нее самые рельефные формы и самая короткая юбка. Я не стал стоять рядом и ушел, переживая, ждать в здание.

Занятие, наконец, закончилось и я дождался выхода мамы. Она вышла совсеми, ничего подозрительного я не увидел, но на всякий случай последовал за ней, держась поодаль. Я не знал, что делать дальше — оставить все как есть и постараться забыть слова пацанов, не выходившие у меня из головы, или... Вдруг я глянул на мамины ноги и опять напрягся. Я точно помнил, что сюда она шла в брюках. А сейчас из-под плаща были видны ее округлые икры в темных колготках. Я попытался увидеть край юбки, но его не было. Значит, мама сейчас была в юбке выше колен? Я терялся в догадках — почему она не переоделась после танцев. Может быть она идет не домой? Уходить пока было рано. Мама не стала садиться в троллейбус, а направилась к последним домам на окраине. Я не представлял, что там может находиться такого и решил, чтотам живет кто-то из знакомых. Однако, к моему изумлению, мама прошла последний дом, перешла дорогу и углубилась по пустой тропинке в лесопарк. Я ужене мог ничего даже предположить и только старался не показаться ей на глаза. А мама сама уже шла осторожнее. Она пару раз останавливалась и оглядывалась, похоже, проверяла, не видит ли ее кто. Я волновался уже не на шутку, потому что понимал, что одинокая женщина в пустом парке — это опасно. Я попытался представить ее глазами постороннего мужчины. «Красивые ноги На высоких каблуках, колготки, неизвестно еще какой длины платье под плащом... Это все вполне может вызвать желание случайного мужика в пустынном месте...» Я уже всерьез переживал.

Тропинка вышла на поляну с тремя заброшенными трехэтажными домами. Здесь никто не жил, что здесь могло понадобиться маме? Она опять огляделась и вошла в подъезд одного из домов.

Все это было настолько странно! Я побежал к двери и заглянул внутрь. Подъезд был явно нежилой и заброшенный, В сумраке было слышно только как мама осторожно поднимается по лестнице. Я прижался к стене и стал вслушиваться, нервничая и пытаясь понять происходящее. Шаги остановились на третьем, последнем этаже. Послышался звук, похожий на треск расстегивания молнии на сумке. Несколько минут были слышны непонятные шорохи. Мама явно никуда не зашла, а оставалась на лестничной площадке. Потом опять послышались шаги. Но это был уже не мягкий стук маминых туфель, а цоканье каблуков-шпилек. Удивленный, я заглянул в лестничный пролет, но там было слишком темно и ничего не видно. Еще пару шагов на каблуках, потом шаги остановились и послышался негромкое нарастающее постанывание. «А-ах... а-аха... а-ах!» Стон затих, с минуту была тишина, потом опять послышалось шуршание, как пять минут назад, потом опять мягкие шаги маминых туфель, спускающиеся по лестнице. Я выскоцил из подъезда и спрятался за кустами.

Мама вышла на улицу, огляделась и быстрым шагом направилась обратно, в сторону города. Какое-то время я следил за ней, пока не убедился, что она едет в сторону дома. Пропустив пару троллейбусов, я поехал домой тоже. По дороге я гнал от себя всякие догадки, а они приходили мне в голову самые разные. Уж слишком эротичным был подслушанный мной стон! Но я опять не готов был представить, что это была мама и искал любые другие причины. «Нет, вряд ли это была она. Может, мне послышалось, может, там были еще люди... Надо было потом подняться и посмотреть» — ругнул я себя. Загадка оставалась и тревожила меня всю ночь.

Еле дождавшись утра, когда мама ушла на работу, я полез копаться в шкафы. В самой глубине ее шкафа я наткнулся на ту самую сумку. Волнуясь, я расстегнул ее. Увиденное меня просто шокировало. Чулки, пояс, нарядные туфли-лодочки на высоченных каблуках... Туфли еще могли понадобиться на танцах, но чулки! Я никогда не видел у мамы всего этого. «Не может быть! Неужели... неужели она все это там надевала? Вот что это был за шорох!» — внезапное ощущение стыда от того, что я влез в маминую интимную жизнь, заставило меня побыстрее спрятать все на место.

Весь день в школе у меня перед глазами то и дело возникала картина того, как моя мама поднимает платье и пристегивает чулки в подъезде заброшенного дома. Было очень неловко и очень стыдно. Я изо всех сил отгонял эти видения, но они возвращались вновь и вновь вместе с вопросами. Масла в огонь подливали одноклассники, обсуждая ляжки какой-то старшеклассницы, надевшей сегодня в школу короткую юбку. А я все время думал, о том, что мамина юбка была еще короче! «Почему там? Зачем? Ведь она вполне может одеть это и так, в городе! Неужели она не боялась? Она пошла через лес одна, чтобы одеть туфли на каблуках в заброшенном доме? Невероятно!» Я пришел домой вечером не в своей тарелке от всех этих мучавших меня мыслей.

Когда я зашел в квартиру, мама у себя в комнате разговаривала по телефону и, похоже, не слышала моего прихода. Я собрался снимать куртку, но ее слова заставили меня замереть на месте.

«Да, там, в заброшенных домах... Алка, это было просто непередаваемо! Я такужасно боялась, ведь я хотела в этом всем выйти на улицу и пройти так до соседнего дома! Думала даже зайти в другой подъезд, не проверив его заранее! Ну а там уже помочь себе рукой... Но я только встала на каблуки, сделала шаг и все!... Нет, нет, ничего даже не делала, даже не прикасалась. Только представила себя со стороны и все, взрыв! Я не могу тебе это даже передать, я за всю жизнь такого не испытывала!» Не владея собой, не думая уже о приличиях, я потянулся к трубке параллельного телефона, стоящего в прихожей, и затаив дыхание, пытаясь унять биение сердца, прижал трубку к уху.

— Да, конечно, я теперь еще больше хочу попробовать выйти наружу, это должно быть просто потрясающе!

— Ужас! — я узнал голос маминой подруги, Аллы Николаевны, — Татьяна, ты сумасшедшая! В короткой юбке, одна, в заброшенном доме! А сильно короткая? До колена? Или еще выше?

— Ох... даже страшно вспоминать... еще короче! — мама смущенно хихикнула.

— Ой-ой-ой! Я бы так не смогла. Я последний раз мини носила в школе, потом располнела. Кстати, а ты как же? У тебя ноги ведь... не худенькие, — заинтересовалась Алла Николаевна.

— А что делать? — согласилась мама, — Но знаешь, я что заметила? Мужчин это тоже привлекает. Я этим летом была в доме отдыха, ну и однажды вышла в коротком халатике. Как

на меня пялились парни! Один даже приставать начал. Я, конечно, испугалась, быстренько убрала халатик подальше. А тут вдруг вспомнила, примерила, увидела, что на каблуках смотрится хорошо, особенно с чулками...

— В чулках? — ахнула Алла Николаевна? — Ты еще и в чулках была? Вот это да! Хотела бы я это увидеть. Может быть ты еще без лифчика была?

— Нет, без лифчика было бы чересчур. С моей грудью...

— Кстати, у тебя какой размер?

— Седьмой, — призналась мама смущенно.

— Ого! А так не скажешь! Мне бы твои прелести! Помню, как все девчонки тебе завидовали, ты ведь была первой красавицей потока! Да еще и такая недотрога! Кто мог знать, что у тебя так неудачно личная жизнь сложится? Я вот тожеоказалась в чисто женском коллективе...

— Ладно, Алла, оставь это. Может и ты наконец решишься? Вдвоем все-таки и спокойней и безопасней, это было бы просто здорово!

— Ой, Таня. Очень хочется, но страшно! Но ты так рассказываешь! Как представлю тебя, себя!... Я уже почти решилась! Давай, в следующий вторник?

— Отлично, Алла, ты молодец! Конечно давай! Я ради такого дела даже на танцы не пойду, сразу туда пойдем, чтобы у нас побольше времени было. Может быть ужезавтра?

— Танюша, я боюсь, я до завтра не успею юбочку сшить. Слушай, а я как раз вчера такие колготки видела! Небольшая такая сеточка, а сзади шов, как ретро. Жаль, конечно, что не чулки. Но все равно, ради такого дела куплю. А ты завтра пойдешь? Расскажешь мне потом, что еще с собой взять?

— Конечно, расскажу! Ой, Аллочка, мне пора, скоро Олег должен уже прийти из школы. Целую; Я еле успел положить трубку и громко хлопнуть дверью, словно я только что пришел.

Весь вечер я был в шоке от услышанного и не мог смотреть маме в глаза. «В коротенькой юбочке... Она так и сказала — «в коротенькой юбочке». Моя мама в подъезде заброшенного дома в короткой юбочке, в чулках, на каблуках... это ужас, этого не может быть! И она ведь еще сказала, что хотела так выйти на улицу! И уже завтра она, наверное, выйдет! А во вторник они будут там переодеваться вдвоем?»

Я вспомнил маму в ее танцевальном мини, ее округлые коленки и полные бедра... Везде, в моей школьной, в дворовой компаниях степень женской привлекательности измерялась шириной и полнотой бедер. Одноклассницы в наших глазах всегда уступали старшеклассницам с гораздо более развитыми фигурами, а те не шли ни в какое сравнение с полноценными женскими формами учительниц биологии и английского.

Учительницы редко одевали что-нибудь обтягивающее, но день, когда англичанка была в слегка просвечивающем на фоне окна платье, оказался событием. «Какие у Ольги ляжки! Вот бы ее трахнуть! Представь, берешься за них, раздвигаешь, и твой хуйходит между такими-их ляжек!» — возбужденно обсуждали школьные хулиганы.

«Господи, а ведь даже бедра англичанки не идут ни в какое сравнение с мамиными! У мамы они еще шире и полнее! Что бы они сказали, если бы увидели ее на танцах?» — и я представил, что это именно наша школьная гопота окажется на пустыре, когда мама выйдет из того дома в своем наряде... «А если бы ее там захотели изнасиловать?» — занервничал я. Воображение вдруг нарисовало гопников в половом акте с моей мамой. Было просто

кошмарно — знать, что она сама хочет выйти полуобнаженной и даже быть увиденной случайными мужиками!

Я вновь и вновь перебирал все нюансы ее телефонного разговора. «Хотела выйти на улицу... Получается, она уже была там в тех чулках, которые я видел в сумке!» Это было ужасно. Получается, что мама представляла, как ею овладевают и для этих воображаемых мужчин она на самом деле надевала чулки с поясом. «Без лифчика чересчур... Неужели у нее седьмой размер груди? О, боже, я знал, что у нее немаленькая грудь, но это оказывается аж седьмой размер! Значит, она была согласна... даже нет, хотела, чтобы какой-то мужчина тискал руками ее грудь! Седьмой размер! Господи, я даже и не думал, что у нее такие шикарные формы!»

Я не мог заснуть всю ночь, днем в школе не мог думать ни о чем. Не заходя домой, с огромным запасом по времени я приехал на пустырь к тем домам. На пустыре опять было тихо и безлюдно. Я прокралился в тот самый подъезд. Ободранные стены, висящие двери... «Где же мне спрятаться? На третьем этаже нельзя.

С первого ничего не видно мне. А если я спрячусь за одной из этих дверей на втором этаже? Здесь видно даже площадку третьего этажа»

Я занял наблюдательный пост у разбитого окна. «Если мама придет, я отсюда увижу ее и успею расположиться за дверью. А что делать, если она зайдет в соседний дом? Бежать туда или ждать, когда она все же выйдет... в этом?» — я не мог унять нервную дрожь.

Мама появилась почти в то же время, что и прошлый раз. К моему облегчению она повернула как раз сюда. Мне на секунду стало спокойнее от того, что я ничего не пропущу. Потом я подумал, что это все сейчас будет происходить уже тут, на моих глазах, что я не только услышу, но и увижу маму переодевающейся... Мое сердце заколотилось еще сильнее, но, что удивительно, я почти не испытал стыда. Оттого, что мама сама делала что-то неприличное, я уже почти не переживал, что собираюсь подглядывать за ней. То, что это была моя мама, отошло куда-то на задний план, лишь добавляя остроты ощущениям. Подсознательно я уже больше воспринимал ее, как сексуальный объект.

Она уже входила в подъезд, когда я с ужасом увидел, что за ней из-за деревьев показались какие-то парни. Они явно видели ее и видели, что она зашла в подъезд. У меня внутри екнуло.

«Что делать? Остановить ее? Я же выдам себя! Невозможно будет объяснить, почему я тут, что я все знаю! Оставить как есть? А вдруг она переоденется и выйдет прямо к парням?...» — я переживал в полном отчаянии.

Снизу уже были слышны мамины шаги. Она так же осторожно поднималась. Вот шаги приближаются ко мне, на второй этаж... вот она прошла и поднимается на третий... Я осторожно выглянул в щель. Внизу никого не было слышно, парни не пошли а мамой через пустырь. Я вздохнул с облегчением, и посмотрел наверх.

В полумраке третьего этажа, мне была видна ее фигура. Я видел, как она постояла, прислушиваясь, поставила сумку, что-то достала из нее и положила рядом. Потом она стала снимать через голову платье и сдвинулась в сторону, так что ее уже не было видно. Мне не хотелось пропускать ничего, но я понимал, что любой шум, который я случайно могу издать, все испортит. Я заставил себя ждать.

И действительно, через минуту мамина фигура опять появилась в лестничном пролете. «Уже

пристегивает чулки!» — с колотящимся сердцем догадался я, когда увидел, как она что-то делает у себя на бедрах. Потом мама словно стала выше и я понял, что это она одела туфли на каблуках. Она еще раз переступила в сторону и оказалась в полосе света от разбитого окна.

Ее бедра под юбкой сейчас были видны снизу полностью, до самого верха! Я подумал, что в школе часто так же стоял под лестницей, чтобы хоть на полсекунды заглянуть какой-нибудь девчонке под юбку. Мог кварталами идти за девицей в легком платье, чтобы дождаться, когда ветер взметнет его на мгновение. А сейчас мама

словно специально стояла так, что я мог сколько угодно, не отрываясь и не торопясь, разглядывать ВСЕ у нее под юбкой! Я видел полные ноги в чулках, уходящие вверх под юбку, ажурные резинки чулков, застежки пояса, видел белую кожу выше чулков! Мне были видны ее большие круглые ягодицы, почти не прикрытые изящными трусиками! А во впадине под ее ягодицами мне показалось, что я даже разглядел ее выпуклые половые губы!

Более того, пока мама доставала из сумки блузку, застегивала ее пуговки, она наклонялась, слегка переступала на месте, словно специально давая мне с изумлением и восторгом разглядывать ее ляжки со всех сторон! «Боже, какие они у нее, оказывается, огромные! Как они расширяются от колен и выше! Никогда ничего подобного не видел! А ведь когда она в платье, этого совсем не скажешь! И мне совсем не стыдно от того, что я, с напрягшимся как никогда членом, разглядываю ее под юбкой! Как же должен возбуждаться мужчина от мысли, что...» Пораженный, я вдруг понял, что больше всего хочу, чтобы мама не просто вышла сейчас на улицу! Мне ужасно хочется, чтобы ее увидели какие-нибудь мужчины! Лучше в таком же виде, как ее вижу я, здесь, вместо меня могли также неторопливо смаковать ее вид снизу, под юбкой! Чтобы мама так же долго стояла, переступая и поворачиваясь, совершенно не подозревая, что кому-то сейчас полностью видны все ее прелести, что ее вовсю разглядывают посторонние мужчины, возбуждаясь от невероятного вида! Я просто изнемогал, чувствуя, что если я прикоснусь к своему члену, то моментально кончу. «Спустится ли она сюда? Или как в прошлый раз, останется наверху?»

Осторожное цоканье каблуков по ступенькам зазвучало для меня как музыка. У меня внутри все задрожало и запело. «Да! Ура! Она таки набралась смелости и решилась спуститься! Она действительно спускается вниз! Она сейчас пройдет тут, рядом со мной! И выйдет на улицу!» И тут внизу мелькнула тень! Я чуть не вскрикнул и еле успел отпрянуть за угол. Парни, оказывается, уже были здесь! Они беззвучно поднялись сюда, на второй этаж, и явно знали, что мама наверху, они тоже слышали ее шаги, потому что стояли у лестницы и заглядывали наверх. Один из них повернулся к другому и приложил палец к губам. Меня колотила дрожь. Я уже с паническим ужасом считал осторожные мамины шаги. Их оставалось все меньше до того момента, как она повернет на второй пролет и окажется прямо перед парнями... в чем же? «Три, два, один... вот она уже здесь!», обреченно подумал я и осторожно выглянул. Мама появилась в полосе света и я обомлел. Она выглядела настолько эффектно!

Ее ноги, которые мне раньше казались толстыми, в чулках и на каблуках были просто вызывающе роскошными! Символическая юбочка была не намного ниже трусов, не прикрывая почти ничего, а пышная грудь вырывалась наружу из кружевного бюстгальтера. Она даже распустила волосы и они лежали волнами по ее плечам.

Мама увидела парней и вскрикнула от ужаса...

Боясь выдать себя, я слушал происходящее из своего укрытия. Они обсуждали мамины достоинства, она плакала. Потом они начали приставать, мамины просьбы и мольбы только заводили их и приставания становились все более и более разгоряченными и наглеющими. Парни явно никуда не торопились, они смаковали мамину беспомощное состояние. Наконец, кратковременная борьба, вскрики... и пыхтение. Я не выдержал и выглянул. Мама лежала на полу, но ее почти не было видно из-за двух мужских тел. Со спущенными брюками оба равномерно раскачивались над мамой. Один полулежал над мамой между ее раздвинутых ног, другой делал размашистые движения, нависая над ее лицом...

Время шло, менялись позы. Парни периодически перекуривали, обмениваясь впечатлениями. Мама лишь изредка вскрикивала или постанывала. Так продолжалось, наверное, часа два. Но для мамы испытания на этом не закончились. Парни силой и угрозами заставили ее пойти с ними и я слышал, как они тащили спотыкающуюся на каблуках маму из подъезда на улицу. «Нет, пожалуйста, нет! Я не могу идти в таком виде! Я здесь сделаю все, что вы хотите!» — это было последнее, что я слышал снизу. Я вышел из своего укрытия. Луна через окно ярко освещала подъезд. Везде были брызги и целые лужицы спермы. Я поднял с лестничной площадки почти целый мамин бюстгалтер и разорванные трусики. На них тоже была сперма. Поднявшись на этаж выше, я увидел мамину сумку и заглянул в нее. В ней были сложены все ее обычные вещи — плащ, платье, туфли, колготки. «Они повели ее с собой полуголую!» — я вздрогнул, вспомнив ее последние слова и представив, что на маме сейчас лишь символические блузка и юбочка, а на ногах чулки с поясом без трусиков. Находясь в шоке от происшедшего и не очень понимая, что делаю, я взял мамину сумку с вещами, и, положив туда бюстгалтер и трусики, побежал домой.

Мамы не было. Вне себя от волнения, я прождал до утра и не заметил, как заснул. Проснулся я от звонка в дверь и спросонья бросился открывать. Мама зашла в квартиру. На ней был чей-то чужой плащ, в который она старательно заворачивалась. Она не поднимала на меня глаз и явно не знала что сказать. Я понимал, что надо бы что-то спросить, но у меня не поворачивался язык. Я еще раз мельком глянул на маму и заметил у нее выражение растерянности на лице. Она

смотрела куда-то в угол. Я проследил за ее взглядом и чуть не ахнул. Я был в таком трансе, что забыл спрятать принесенную сумку с вещами и она так и стояла в прихожей!

Я стоял, опустив руки. Мама собралась с духом и, ничего не спрашивая, взяла сумку и пошла к себе в комнату. Никто из нас не мог ничего сказать. Невозможно было найти слова ни спросить, ни ответить. Можно было только догадываться.

E-mail автора: oleg_1980_2@mail.ru